

СОСКАЛЬЗЫВАНИЕ ВО ЗЛО

Глеб Павловский

СУТЬ ДЕЛА

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — главный редактор «Русского журнала». Модератор секций на Мировых политических форумах в Ярославле в 2009 и 2010 годах. На предстоящем форуме в 2011 году — модератор секции «Демократические институты в полиэтнических обществах»

1.

14 июня незамеченной прошла годовщина басаевского захвата больницы с роддомом в Буденновске в 1995 году: около полтора десятка убитых, среди них роженицы с детьми. Боевики вернулись в Чечню триумфально, на предоставленных властями автобусах. За участие в адском рейде из десятков боевиков осуждены двое, и на сроки меньшие, чем Ходорковский. Буденновском выбило ограничение из наших представлений о политическом зле. А у боевиков, наоборот, исчезли остатки сдержанности. «Успех» басаевской акции превратил ее из эксцесса в методику чеченских действий. А из полевого командира Басаева сформировал архитектора зла.

Российская общественность стала целевой аудиторией в новых кровавых постановках Басаева. Вслед за захватом роддома в Буденновске последовал дьявольски театральный захват

театра «Норд-Ост» и детский холокост в школе №1 Беслана. Всякий раз Басаев легко добивался начальной цели — нагнетая ужас, подавлять волю к сопротивлению. В те годы последним спасением стала власть. Лишь встречная воля к противостоянию, обнаруженная путинским Кремлем, разрушала гипноз.

Зло останавливали злом — любой ценой и любыми средствами — впрочем, общественность по-прежнему осуждала лишь второе, зло власти. Предоставив Федерации спасаться, как сможет, общество отшатывалось от реальности. По сей день жертвы Беслана охотно приписываются антитеррористической тактике власти, а не террористам — тем, кто запер детей в здании школы и мучил их голодом и жаждой на глазах родителей и целой страны. Презумпция виновности власти в прессе провоцировала встречную охранительную апологетику, где всякую критику некомпетентности отводили обвинением в антигосударственности. Из этого круга оппозиция не выбилась по сей день, заглатывая отравленные концепты-маркеры «демонтажа режима» и «антинародного государства» путем «народной революции».

2.

У русской истории зла — государственного и человеческого — всемирная слава. Бесстрашным его свидетелем признается русская «святая литература» (Томас Манн), художественная и мемуарная проза двух прошлых веков. Но в современном российском сознании нет интереса к опасностям зла, и его перспективу не обсуждают.

Российская общественность

остается сообществом инвалидов Буденновска и Беслана. Травма российской политики состоит в вытеснении прошлого опыта и в потере бдительности. Отличием новой русской культуры от европейских аналогов стало именно отношение к злу — пассивное, скептическое и легкомысленное. Мы так стараемся думать только о хорошем, что готовы потерпеть катастрофу заново.

После 25 лет потрясений и невзгод, отбросивших общество и экономику далеко назад, — невероятным образом сохраняется наша неискушенность в политическом зле. У этой неискушенности есть обратная сторона: страна лишена интереса к проведению политики, исключаяющей на будущее пережитые катастрофы. Царит идея непрерывности зла — от несправедливости в распределении социальных благ до предельных форм государственного насилия. Еще поразительней, что этот «континуум зла» считают легко обратимым. Якобы, с принятием «хорошего» решения властей сход лавины останавливается, и она разворачивается в «правильном направлении».

Такая наивность поразительна и симулятивна. В ней есть дальнейшее эхо революционной мечты о «справедливом государстве» и двух десталинизаций сверху: хрущевской и горбачевской. Есть сила путинского мифа «доброй власти». Есть гипертрофия представлений о силе власти вообще.

3.

А ведь Ален Бадью прав. В тексте, представленном в этом издании, философ говорит о важном — об отсутствии предварительных ориентиров движения

ко злу и о стратегической недостаточности таких табу-определителей, как «холокост», «сталинизм» и «тоталитаризм». Во всяком случае, таков русский опыт радикального зла предвоенного и военного времени. Важнейшим элементом этого опыта в XX веке, — учет которого сформировал, с одной стороны, послесталинскую бюрократическую империю, с другой стороны, антисталинистскую советскую общественность (две силы, столкнувшиеся в 1980-е годы, которые похоронили СССР), — был опыт его непредсказуемости.

Политически сталинское зло состояло в беспричинной и безудержной измене власти ее гражданам. Никого не предупредив заранее, государство коварно обрушивалось на людей с арестами, пытками, убийствами и трудовыми лагерями, задуманными как места пожизненного рабства. Критерии уничтожения были неведомы, а ужас нагнетался намеренно. Не было способа предусмотреть ход событий и способа защититься. Вторжение нацистов в 1941 году дополнило перспективу зла перспективой вечного рабства с потерей независимости, вынудив сплотиться вокруг столь ненадежного национального центра, как сталинский Кремль. Война и победа сложились в новый важный опыт. Его обдумыванием и политическим применением были заняты власти, общественность и русская литература послевоенного СССР. Но попытка не удалась — государство и общество-носитель опыта распались, а для новой нации опыт предельного зла все еще неактуален.

4.

Раскрепощенное «перестройкой» общество схватилось за «право» — но лишь как за возможность причинять вред, не рискуя. На смену советским репрессиям (пост-сталинским — «мягким») пришел всплеск частного интереса к репрессивным практикам. Спрос на при-

кладное насилие превратил суды в «боевые машины», с чем центральная власть боролась лишь с помощью встречного «контрпрограммирования». Этот переход все еще не описан, хотя протекал он в условиях полной свободы прессы.

Либеральное сознание, более чувствительное к насилию, прячется в формулы «авторитарности», «плохих институтов», «советского наследства» и «мафиозности». Но советская власть, будучи предельно авторитарной, применяла после Сталина меньший набор насильственных средств, чем сегодня, и с большей осторожностью. Возмущение «несправедливыми приговорами» было обычной темой дискуссий в подцензурной советской прессе; сегодня дебаты о «несправедливости» и «бесчеловечности» считаются абсурдными в принципе. Репрессия либо признается «незаконной» (например, политически мотивированной, что некоторые подозревают в случае Ходорковского, требуя ее отменить), либо «законной» — тогда уровень ее не обсуждают вообще, как и то, насколько она разрушительна для своих жертв.

В российском обществе все вовлечены в отношения, которые для неудачника потенциально кончаются в суде, тюрьме или даже на кладбище. Риск и здесь не осознается, а матрица «виновности» остается популярным центром публичного дискурса. Все бесконечно обсуждают виновность тех или иных «властных классов» — политических, управленческих, деловых, приучая себя к фронтальной ментальности. Такая атмосфера пролонгирует чрезвычайщину, подменяя тематику справедливости вопросом о списке тех, кто подлежит исключению.

5.

Мы не обдумали опыт, — собственный и чужой, — того, как быстро нарастают риски при успешном, но злокачественном

прогнесе. Эти риски могут быть колоссальны, как показал XX век на примере таких стран, как Германия или сталинский Советский Союз середины 1930-х годов. Мы скептически к теориям Холокоста, недоверчивы к напоминаниям о Большом терроре (не стремятся ли «они — нас» снова обвинить в сталинизме?!), отклоняем обвинения югославских сербов в геноциде и равнодушны к дебатам о резне в Османской империи или в Руанде. У нас вообще нет подступов к политической теории ограничения зла.

Российская политика мечется между явными рисками и не исключенным, но вполне вероятным злом. Подрастают такие цветы зла, как «антиэкстремистская» 282 статья УК РФ, открытая произвольным репрессивным трактовкам, подобно сталинской 58-й и андроповской 190-й. Невроз неопределяемого никак «экстремизма» — следствие вытеснения представлений о зле.

6.

На сказанное наслаивается то, что мы именуем «международными конфликтами».

Мультикультурализм, недавно намеренный превзойти имперский «интернационализм» в успешной политике сосуществования наций в одном государстве, сам был формой мягкой гегемонии — soft power. Но экспансия soft power, поначалу столь впечатляющая, привела к ожидаемому триумфалистскому вырождению. Подобного великим идеологиям XX века, soft закономерно растворилась в hard power и стала прикрытием грубой политики (повторяя трек русских социалистов прошлого века от этического идеализма к большевизму). Нам неясен этот крах и его причины, потому что мы никогда не интересовались успехами мультикультурализма и проспали его исходный мотив — табу на расизм. Место борьбы с расизмом в СССР до его крушения занимал интернационализм. Остат-

2011

Мировой политический форум «Современное государство в эпоху социального многообразия»

Мировой политический форум, который состоится 7–8 сентября 2011 года, посвящен теме «Современное государство в эпоху социального многообразия».

Мероприятие традиционно пройдет в городе Ярославле (Россия), под патронажем Президента Российской Федерации Д.А. Медведева.

В работе первых двух Форумов 2009 и 2010 годов, на которых обсуждались ключевые вопросы развития современных демократических государств, приняли участие Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, Председатель Правительства Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро, Премьер-министр Французской Республики Франсуа Фийон, Президент Республики Корея Ли Мён Бак, Председатель Правительства Итальянской Республики Сильвио Берлускони, спецпредставитель Премьер-министра Японии Юкио Хатояма, видные государственные и общественные деятели, представители бизнеса, ученые и эксперты, журналисты из почти четырех десятков стран.

Мировой политический форум с каждым годом вызывает все больший интерес у авторитетных экспертов со всего мира. Встречи государственных и общественных деятелей, представителей бизнес-сообщества, видных ученых и практиков в области политологии, социологии, международного права комментируют и обсуждают журналисты более 165 рейтинговых мировых средств массовой информации из 32 стран.

Секция 1. «Демократические институты в полиэтнических обществах»

Секция посвящена опыту построения демократических институтов в полиэтнических обществах современного мира. Россия исторически сложилась из многих этносов, цивилизаций, культурных и религиозных групп. Ее опыт построения демократии предполагается обсудить в контексте опыта других многосоставных государств, в т. ч. Индии, США, Бразилии, ЕС. Как в странах, населенных многими народами, сочетают политику разнообразия с демократическими стандартами? Одна из тем дискуссии на секции — эффективность демократических практик и институтов перед вызовами нелегальной миграции, этнического разобщения, сепаратизма и фундаментализма.

Российский модератор:
Глеб Павловский

ки интернационалистского политического воспитания остались унаследованным новой Россией социальным капиталом и эксплуатируются по сей день. Но советское наследие кончается. В обществе все меньше интернационализма, однако, не сформировано и элементарное политическое «табу» на расизм.

Мы не умеем проводить грань между политической личностью и частным лицом. Поэтому для удобства управления граждан России разбиваем на расы — административные или этнические. Так понятие «элит» в России, вопреки своему узко социологическому значению, превратилось в статусное самоименование истеблишмента, сегрегированного от «населения». Понятие элиты приобрело расовые черты. Бюрократы ищут и выстраивают баланс между ими же сконструированными *корпоративными расами*. Есть этно-религиозные корпорации, региональные, административно-силовые, иные. Монструозный термин «лицо кавказской национальности» изолирует в неразличимую массу жителей Кавказа, где число этносов сопоставимо со всей остальной Россией. Мы прибегаем к инструментам исключения, чтобы бороться с расовой исключительностью.

7.

Сегодня главные темы дискуссий о недопустимом зле мы воспринимаем как импортные, переведенные с французского или немецкого. Среди них риск эволюции сравнительного «блага» к невообразимому злу. Сьюзен Нейман замечает, что определения геноцида до сих пор помогали квалифицировать его только постфактум, но не заранее. Нет ни одного подтвержденного случая, когда бы геноцид удавалось предотвратить. Особенно ясно это видно из Москвы. Российская политика, двадцать лет уходящая от темы политического зла среди необъяснимого — многомиллионного всплеска смертности начала 1990-х, войны на столичных улицах, войн на Кавказе и басаевских геноцидальных актов — оказалась в кольце страхов, которые отказывалась обсуждать. Умножение непонятных убийств, общественные ненависть и аномия, анклавы типа станицы Кушевской свидетельствуют о накоплении новых мутаций зла, неопознанных политикой. Русская и мировая история учат тому, как импровизации, поначалу выглядевшие позитивными, вдруг отбрасывали нацию далеко за рамки ее представлений о моральном, легально допустимом, и даже о человеческом вообще. ■

РЖ — специально для Ярославского Форума